

*Я знаю, что не знаю ничего. Праздник.
Ты мой ветер пронзительно-нежный.
Мой человек-ураган.
Зыбучий песок и соленое море под слоеными,
как торт, облаками.
Сладко-горькая. Ты – природа.
Мимолетна, оглушительна...
Всегда рядом, под самым сердцем сверкающая
звезда.
Поразительна, умна. Как мир, удивительна.
Душа без лишних оберток.
Вся сразу для всех и вовсе ничья.
Живительная капелька в океане. Моя надежда...
Истинный мир.*

Первая осень.
Как душа листьями плакала

Одиночество

Одиночество не пугает. Не страшно умирать медленно, по крупицам затухать, втягивая в себя кудрявый дым, вливая жирный алкоголь. Это всего лишь пустая комната – море личного пространства... Звуков своих шагов и вздохов, своего ветра, своей утренней прохлады. В зеркале, в ванной, в кухне – ты всего лишь один. Только тебе холодно по ночам. А перед этими ночами – лишь твоя вечерняя скука и дневная хандра. Одиночество – густой туман со своими камнями. Порой он настолько густ, что в нем не видно свободы. Но она там есть. Мы, как дети, мечтаем её обрести. И, как любые дети, начинаем капризничать и ныть, как только получаем желаемое. В одиночестве видят убожество. Будто оно калечит души, превращая нас в уродов, эмоциональных инвалидов. Перышки с крыльев умирающей птицы тоже одиноки. Но разве они не прекрасны? Они некрасивы в своем одиноком полете? Солнце одиноко... Ему просто об этом никто не сказал. Оно продолжает светить. Солнце прекрасно... Почему бы просто не говорить людям о том, что они одиноки?

Наталья
РОМАНОВА
г. Санкт-Петербург

ЧЕТЫРЕ ГОДА
ОСЕНИ

Болото «П»

Плачебно. Все чаще стала замечать, насколько плоски мои собственные мысли. Внутренний мир безвозвратно сжимается до размеров мира окружающего, захлапленного всевозможной бытовидной ерундой двухмерного пространства. Эта прожорливая обыденность повисла на шее огромным валуном и не дает дышать, летать. Сомкнулись оковы кухонной утвари и моющих средств. Какое странное болото... Чистое, спокойное, с дверями и окнами, даже, вы не поверите, микроволновкой и телевизором! Странное место — живое, но при этом абсолютно безжизненное, запертое. Да и попадает здесь чем-то странным. Никак не могу разобраться, это мой внутренний мир дает о себе знать или я просто забыла вынести мусор?

Пустынно. Все чаще стала замечать, насколько глубинно одиночество. Приобретенная свобода напоминает скорее сдвливающую толщу воды, чем подвижное воздушное пространство. Темно, холодно и совсем не интересно. На подобной глубине нет причудливых прозрачных светящихся существ и затонувших кораблей. Исключительная пустыня без горизонта и прочих прелестей, доступных человеческому глазу. Радость измеряю байтами, буквами, цифрами, смайлами — стыдно! Безмолвствует крик о помощи, а извилины шевелятся исключительно под ворчание старого холодильника.

Приторно. На самом деле, что-то в этом болоте мне даже нравится. Свобода, хоть и ограниченная, остается свободой, как ты её ни поверни, ни назови. Но чувство удовольствия от возможности время от времени покурлесить на собственной жилплощади тоже имеет право на существование. Кстати, о чувствах... Приторно. Они уже не те. Напоминают очередь за колбасой по жетонам. Не я от них беру, нет. Они сами разворовывают меня, по кускам растаскивают в разные углы, где моим же тараканам, из моей же головы, и скармливают. Какая неслыханная наглость! Паскудно. Все чаще стала замечать,

насколько мало в моей жизни теперь рассветов. А как без них? Скажи, плаксивая, как без рассветов? Не видно же ничего... Совсем черно, пещерно, голодно. По звездам не пойдешь, их и нет здесь, и страшно как-то. А на рассвет идти так хочется, так жалится, так жаждется. А вокруг одни перегоревшие лампочки, и мысли — плоские доски. Печально... Жить-то хочется так не по-человечески счастливо, так счастливо! Поступательно. Поплакала? Молодец! А теперь марш за жизнь. Давай живи в своем болоте и не жалуйся, исчерпаны лимиты, пополнить счет никак не удастся, странный запах, тараканы.

Привычно!

Вторая осень.
Как бил живой дождь

Влюбленная

Без вступления — короткое мгновенье. **Б**А как красиво было все в мечтах. Я вполоборота, будто ничего не слышу — красивая... Он наспех перебирает шаг и чем-то сильно взбудоражен. Плечом улавливаю взгляд, и вдруг! Словами не сказать — одни восклицательные знаки. Закружилось, завертелось в голове неразборчивым салютом. Эмоции чуть ближе к эпицентру. Язык спотыкается о зубы, а так хочется кричать. Так кричи, дикая, обо всем на свете! В очередной раз счастье с ног тебя сбивает, и неужели не найдется сил, чтобы подняться, взглянуть ему в глаза, сказать: «Как долго я тебя ждала!», обнять и больше никогда не отпускать. И мечта разродилась реальностью — подошел, поцеловал. Щекой чувствовала — он душой улыбался. Много всего смотрело, много всего шепталось. А мне так светло, хорошо, сладко, щекотно, приятно, удобно, что даже смущаться не хочется. Понравилось — свобода ощущений. Неприкосновенность, интимность какая-то, но чуточку проще... Возьму на заметку: к чертям собачьим чужое мнение, если речь идет о твоих чувствах. И буду тебя по кусочкам рассказы-

вать днем и ночью, до последнего дня, до последней ночи. Влюбленная без вступлений в короткое мгновение. Я вполоборота, а ты куда-то спешишь...

Черешня

По утрам сквозь слипшиеся ресницы я находила на мраморной поверхности стола полную чашу спелой черешни. Она источала рдяный аромат лета, обтянутая свежими солнечными лучами в этой глубокой чаше цвета облаков. Было практически невозможно не заметить, как сочные ягоды на расстоянии начинали вызывать торжественное ликование вкусов на слегка обсохшей корочке языка. Все в них было совершенно, даже легкие ранения на шкурке от рук добрых людей, которые поспешили подарить мне в этот день столько наслаждения. Шаг размеренно приближал меня к желанному, стараясь не спугнуть живых ягодок, которые, будто дикие звери, собрались на водопой, недалеко от огромного источника, который в наших убежищах принято называть раковиной. Сонные пальцы легли на холодную мраморную гладь неподалеку от заветной цели. Пульсация от самого сердца доходила до кончиков ноготков, выбивая неспешные ритмы, что эхом бились о белые стены кухни. Приспущенные веки неслышно опускались, несносно нарушая картину полного спокойствия в моей и только моей чаше, до краев набитой цветом и вкусом. Глубокий вздох подталкивает руки, кончиками пальцев цепляюсь за мягкие крючки сладких воспоминаний о том самом дне наедине с тобой...

Мы

«**М**ы» — как будто растянутая фраза. Именно фраза, не слово. Слова — кирпичики, а «мы» — это же целая жизнь! Такая яркая и темная, смущенно-детская и сурово-взрослая, красочная и черно-белая,

громкая и тихая, сладкая и горькая, отрезвляющая и опьяняющая, длинная и короткая, любимая и нелюбимая... И совсем не такая, какой сперва казалась. «Мы» — это не я, не ты... Это что-то другое.

Третья осень.
Как гнили в ногу со временем

На холодильник

Не оберегай меня от причины нашего расставания. Не прячь робко голову в песок, когда я пытаюсь не плакать. Не становись привычным, доводи меня до истерики. Не признавайся в своих ошибках, не скрывая правды. Люби меня в слабости и страхе, не бросая на крутом повороте это свое «не смогу!». Верь, что я верю в тебя, а не в Бога. Жди до тех пор, пока на край щеки не лягут кончики моих пальцев. Согревай пятки, не отпускай в злобе. Накрывай лицо исключительно моими волосами. Пробуй жить без меня, понимай, что нельзя так. Придумывай мои роли, угадывай вздохи, помни сонную и счастливую, чувствуй корочку, на губах засохшую. Строй планы и никогда не привыкай к этому странному плачевно-грубому состоянию. Знай все, что говорила, складируй мелочи моих привычек. Бойся один засыпать, но обещай, что бросишь! Не бойся моей печали, трогай мои предплечья. Поговори со своим другом о наших будущих детях. Но не оберегай от причины нашего расставания. Все эти твои ложноножные побеги из моей жизни вгоняют в тень улыбки моих подруг. Радуют оскалы дворово-пригородных сук. А так нельзя. «Так» — это как тебе без меня.

Частички

Я слушаю тебя. Внимательно и осторожно — шупаю воздух подле твоих слов. Как прекрасно было наше молчание...

...

И зачем ты только начал говорить? «Испортить все» — теперь это будет написано на плакатах в наших руках. Успокойся, мы и так все слишком испоганили. Мы плевали, топтали и выкидывали друг друга на помойку... И ради чего? Новых острых ощущений? Да, я не могла себя сдерживать. Пойми, бессмысленно в ночи искать темноту или в рассвете солнце. Если есть любовь, зачем искать? Тебе не хватило сил ее почувствовать, признайся! Мы пели колыбели и напивались до беспамятства, смотрели в потолок и бредили о бесконечности Вселенной, нас согривало черно-белое кино и разноцветные ниточки в наших одеждах. Как красивы и пусты были твои глаза! Ты будто выпустил наружу то, что веками копилось за твоими опухшими от вечных недосыпов веками. Мы идиоты! Дурни, до изнеможения счастливые, в своих улыбках находили столько чуда. Впадали в зависимость от прикосновений, словно дети, объевшиеся сахарной ваты, — больше не влезет, но желудок кажется бездонной, бесконечной ямой, ведь так сладко. Кормились постными надеждами, жевали сопли и утирали слезы рукавами. Были числами, словами, нотами и градусами... Всем, но для кого? Для мира? Брось, мир слишком мал. Мир — это не наша песочница! А теперь? Чай остыл, и сели батарейки в сердце. Я не хочу жить... В своей квартире. Я не хочу есть... Твои любимые блюда. Я не хочу спать... В нашей постели. Не потому, что мне больно, просто все равно. Вполне устраивает ровная полоса вместо звука биения сердца. Я могу быть без тебя — не сложнее вдоха... Вот сейчас вдохну и больше не выдохну. Пусть по мне гуляют последние частички тебя, застывшие в немом кислороде. Мне хватит их, вполне. Заменителя сахара мне же хватает. И такого тебя внутри меня хватит...

По паспорту

Пусти — пуста. Но все проходит под звездами. Мы когда-нибудь проснемся,

чтобы просто поговорить в кухне при свете первых лучей солнца, мелодичности звона ложки в кружке горячего чая. Посмотрим в новый день с надеждой, но пока меж пальцев путаются лишь воспоминания. И у меня нет всего мира за пазухой, чтобы подарить тебе его. Я терпелива, но жутко несдержанна — так получилось. Я жадная до новых ощущений и не готова променять сомнительное будущее на стабильное настоящее. Мне по паспорту подобного не положено. Мне бы бежать вперед, спотыкаться и падать, подниматься, кричать, обжигаться, ссориться, мириться, проигрывать и побеждать. До максимума, до предела разогнаться и выпасть из гнезда. И ни в коем случае не испугаться, не дрожать, не сожалеть. Все остальное, увы, не привлекает, не блестит и не светится. Включая тебя, человек. Пуста — пусти. Прости...

Розы

Его встречали давно увядшие розы, чьи слезы стекали в помутневшую вазу. Неуклюжим шагом он зашел в помятое, прокуренное помещение, ключи мерзко зазвенели на кафельном полу. Сердце скулило голодной, побитой собакой, сонные голубые глаза скользнули по привычной параллели, пытаясь ухватиться за смердящую дымку давно ушедших дней. Его встречала тишина, чья печальная голова тяжелым грузом опустилась на поникшие плечи, укрывая хозяйина квартиры холодными, озябшими ладонями. Тело непроизвольно дрогнуло — тупые, бездушные, рефлекторные спазмы, не более. Медленными, гортанными вздохами он поплелся на кухню — сопел холодильник, постукивал кран, на парня с тоской смотрели стекла настенных шкафов... Вслепую нащупав кнопку чайника, его пальцы опустились на засаленную столешницу. Главным признаком жизни служил скопившийся в молодом организме гадюшник, не дающий ему забыться окончательно. Позабыв о чайнике и чувстве собственного достоинства,

он направился в спальню, где его ждала одинокая, тоскующая кровать. Он блуждал не телом, а душой в потаенном, сокрытом сознании. Апатичное успокоение сжимало потрепанную душу, накатывало волнами, наступало. Он жаждал совершенного одиночества, а ему мешали. Мешали стены, мысли, собственные руки, розы в помутневшей вазе, не говоря уже о людях за окном... «За окном», — мелькнуло в голове. Взглядом по грязному солнечному свету он добрался до выхода в мир — белая майка, растрепанные волосы блуждали по острым плечам — ласкали. Она по привычке выкуривала единственно дозволенную сигарету, мысленно смакуя сегодняшней день...

Она обернулась, улыбка...

— Здравствуй... — прохрипело горло юноши, а казалось, что говорило сердце.

Да, так и было — он начал разговор сердцем, она продолжила глазами...

— Как настроение? — продолжал парень.

«Улыбка...» — пересохшая радость больно кольнула щетину, насколько же он отвык от этого.

— Я чайник поставил... Выпьешь со мной кофе? Нет, ты пьешь только чай. Прости, запытал. Почему ты так редко заходишь?

Девушка застыла.

— Да, понимаю... Холодно сегодня, а ты в майке, разве так можно? — Игривая, легкая улыбка.

Она настолько жива, насколько мертв он. А между ними стекло... Ладонью коснувшись его, он ощутил приближающуюся прохладную осень. Девушка невольно отстранилась, вжавшись в собственную тень.

— Скажи мне, умоляю, скажи, что ты со мной, — повторили шепелящим шепотом губы, дрогнуло сердце. — Скажи мне, что ты только моя, что сейчас я выйду на балкон и мы больше никогда не расстанемся. Скажи давай, скажи, что ты скучаешь, любишь, ждешь, что голодна и жутко замерзла, а я дурак! — Он сильнее надавил на прозрачную поверхность. — Скажи мне, что ты жива...

Время со скрежетом остановилось, повис-

ло камнем на хрупкой девичьей шее, серые глаза печально погрузились в голубой омут. Любимая душа с родными чертами лица, не дрогнув, изобразила в пустоте удушающее «нет»... Последний лучик скользнул по тонкой фигуре, потянув девушку за золотистый локон шелковых волос, она более не имела права здесь находиться. Каждая секунда пребывания в их маленьком мире дарила молодому человеку губительную надежду. И будь его воля, он бы захлебнулся этой надеждой для неё, за неё, ради... Но вот легкие скребет горячий воздух, он начинает слышать сердце и, невольно моргнув, теряет её во второй раз. Закипает чайник, холодильники затих, плачут розы, тупые рефлекторные спазмы...

Империя внутри тебя

Всвоих размышлениях ты все чаще стал напоминать мне рассыпающуюся империю. Твои враги носом чуют надвигающееся извержение вулкана. Но разум, подобно опьяневшему властителю, все ещё верит, что сила в его руках, что по венам огромного города растекается всеобъемлющий огонь и не сотворили ещё там, на небесах, такого бедствия, которое могло бы поглотить, уничтожить или поработить творение твоего гения. Время неподвластно стенам империи, тебе не удержать его, не остановить. Огромным гротом тебя окружило сомнение приближенных и соратников, которые крокодилами готовы вонзиться в человеческую плоть ради собственной наживы. Кого ты вырастил на подмостках собственных идей? ...Опомнись, безумец! Ты больше никому не нужен. Тебя предали, унизили, оскорбили, облили помоями, сожгли, утопили, повесили, закопали, развеяли по ветру... Тебя нет, человек, мысли о тебе не существует. Ты впал в безмолвное забвение, тень собственного высокомерия. Танцуешь на углях своего города, словно марионетка. Рассказываешь мрачную сказку о птице Феникс, восставшей из пепла. Но слова уже не в почете,

за них больше никто не заплатит. Начнешь сходить с ума, поселишься в старом бараке на окраине чужого города. Тебя запомнят обезумевшим, заплывшим от горя, костлявым старцем, который так и не научился жить вне собственного «идеального мира». Но разве можно тебя за это ненавидеть? Ненавидеть, но не за это. А за то, что все это происходит в твоей голове. Представляешь, насколько унижительно умирать в собственном подсознании? Единственном месте на земле, где твоей империи суждено править небесами вечные годы, блаженствовать и возвышаться над всем миром. А ты усыпан позором в собственных мечтах... Безумец! Твой разум в осколках и руинах, пожарищах, смертях. Не ходить больше по улицам твоего города великим идеям, мечтам, смущенным догадкам и смелым желанием. Тебя нет ни внутри, ни снаружи. Два мира и ни единого тебя. Прощай...

Четвертая осень. Как последний вздох перед зимой

Понимание

Она смотрела на меня так, будто я вырезала свое сердце и выбросила его в помойку. Столько было в этом взгляде боли и жалости, скорби и какой-то только ей одной понятной грусти. Все сейчас напоминало сон. Густой, тягучий, туманный сон, завлекающий тебя в свои липкие объятия, когда уже не остается сил даже на то, чтобы поднять веки. А ведь не произошло ничего особенного. Я просто в двух словах описала картину прошедших лет. Выудила обрывки воспоминаний из потаенных уголков сознания. В таких уголках люди обычно хранят память о событиях своей жизни, которые принесли им невероятную боль, но ты бы ни за что не променял их ни на что иное. Противоречие, которое невозможно разрешить даже на под-

корке — подсознательно. Эти события накрываются красивой белой тканью, оберегаются от паразитов наших повседневных домыслов и размышлений, нелепых догадок. Тех моментов, когда ты, размешивая сахар в чае, читая книгу или принимая ванну, вдруг испытываешь приступ невероятной паники. Дыхание перехватывает, щиплет глаза, сердце глухо выбивает чечетку на ребрах. Между тонких ниточек, бесконечных нервных окончаний и капилляров в твоей голове случается самый настоящий взрыв, рождая ядовитые химические реакции. Тебя будто волной вышвыривает на берег, а ты, безмолвная маленькая рыбешка, и дышать не умеешь. Трепыхаешься, бьешься, выхватывая капельки живительной влаги. И стоило бы заплакать, чтобы протянуть хотя бы минуту, секунду, мгновение... Но ты не можешь. Неужели нам отведено определенное количество слез на каждый из моментов жизни? Вскоре страх отступает, выравнивается дыхание, тебя накрывает сумрачной пеленой. «Вот сейчас я сильнее зажмуру глаза, и все пройдет, все встанет на свои места», — в бессилии мы наивны, как дети. Это завораживает, не правда ли? И она, замороженная, смотрела сейчас то на меня, то на душу мою. Я так и не сумела разобрать. Но эти странные слова, застывшие на поверхности её карих глаз, дарили мне толику надежды. Беззащитной, смущенной, робко умирающей надежды на то, что я не зря сдираю корочки с засохших ран. Она смотрела на меня с непониманием другого сорта. Она не понимала того рода чувств, которые в ней пробудили мои рассказы. Моя в момент онемевшая собеседница не гналась за бездушными крылатыми фразами, полными пустого сочувствия и сожаления. Она просто проживала каждый миг, каждое мое слово, каждый жест. Словно отворяя ту самую старую скрипучую дверь, за которой прятались разочарования и страхи, боль и раскаяние, я почувствовала, как она взяла мою руку и сжала покрепче в своей руке. Чтобы мне больше никогда не пришлось одной пережить все то, что так давно было спрятано в потаенных уголках

седовласой старухи памяти. Наверное, стоит вытащить сердце из помойки.

Утро. Признание

Просыпаешься ты одиноким, но вполне приятным утром. Тащишь размякшее тело... Куда? Да как обычно: ванная, кухня и снова спальня. В коридоре встречаешь зеркало, а оно тебе говорит: «Привет, чудовище!» А ты, бескультурщина, наморщив нос, отворачиваешься и тащишься дальше по коридору, пока не нащупаешь лбом такой знакомый и родной косяк двери. Нет, ты не ругаешься и не бьешь кулаками тонкие стены, нет. Какое там!.. До душа бы добраться, а там — глаза закрыты, теплая вода и так приятно — в сказке не сказать, губной помадой на стекле не намалевать... Жизнь приходит в тебя медленно и неохотно, брезгливо и как-то надменно. Но, придя, уже не покидает — тварь, любимая. А на столе пара кружек не первой свежести, какой-то там хлам «из прошедшего вчера в наступившее сегодня». Взмах руки, чайник начинает выть свои унылые серенады. Ещё немного послушать и можно будет залить себя кипятком с пакетиком чая или парой ложечек кофе... Черт, выбор! И вот ты наедине со своей чашкой чего-то, и за окном начинает светать, вроде как весело, вроде как сдохнуть бы. А чашка медленно испускает пар — курит. Ты ей в ответ затягиваешь свой завтрак. Одна, вторая, хорошо... Но вот она уже остыла — остыла, будто что-то вдруг внутри погасло. И ты в своей кухне, за своим столом, напротив своей любимой чашки понимаешь, что любви больше нет. И некому тебе, кроме чашки, сказать «любимая». Как это странно: ты думал, что будет страшно и больно, пусто и серо. А на улице вот уже солнце, и тебе вот уже хорошо. Даже немного все равно... Допиваешь свою чашку, встаешь из-за стола с мыслью о том, что там за столом осталось что-то важное, ценное, вечное, «твое»; встаешь и понимаешь, что больше ты никого не любишь...

Радуга

Вышло солнце — смолк оркестр в голове, Ви вздохи перестали мучить молодую грудь. Веления сердца в приказном тоне начали вести диалоги... И если бы о животных! «А надо ли?» — вторила одна мысль другой, пока минутная стрелка отплясывала чечетку где-то в области вены. А это вы правильно подметили. А это вы не зря поинтересовались. Надобность. Сопровождает ли она меня по жизни? Не надеюсь услышать положительный ответ, но все же позвякивает слабым огоньком она — надежда, где-то между первой и второй. Перерывчик, как известно, габаритами не радуется, но времени должно хватить на всех, уже принесли закуску. В этом злачном месте, с этими душевно незнакомыми людьми сидит девушка, без оправданий вторгнувшаяся в личное пространство питейного заведения. И вот уже музыка громче, вот уже темы острее, а главное, надо ли? Её не бросили друзья, от неё не отвернулась семья. И даже собака, с которой она не играла уже как год, до сих пор помнит её мягкие руки и громкий голос. Говорят: «Плыви!», а эти смешные детские нарукавники выдавать никто не хочет. Не подумайте, я не жалуясь, но, помилуйте, хотя бы для поднятия настроения... Не того, что снаружи, а того, что внутри. Этот маленький плаксивый карапуз в мокрых штанишках устал и хочет смеяться. Но мы родители строгие, старой закалки — на подзатыльник и в детский сад, а там каша невкусная, чай холодный и противные девочки обзываются. О чем это я? Ах, да...

Вышло солнце — близилась белая ночь. Мы кутили, веселились, говорили, пили... В общем, все по плану, все как нам когда-то запрещали. Мне не хотелось приводить в эту компанию того маленького мальчика, но ставки повышались, а у меня на руках ни одного козыря. Проверила карманы — пусто. Гулять так гулять! Вот вам моя голова — копайтесь. И не стесняйтесь, ради всего

святого, там много всякого барахла — на всех хватит. Сижу. Молчу. Наблюдаю. Пью. Скромность укрощает — про отсутствие какой-либо цели в жизни или хотя бы метки на карте не говорю — боязно. А может, просто все равно.

В далеком детстве обнаружила в бабушкиных закромах разноцветные кнопки. По волшебству каждая из них заблестала в моем бокале своим цветом. Да так было красиво, да так было приятно и тепло, что захотелось ещё выпить. Этими причудливыми отпрысками радуги я решила прокладывать свой путь — дошла до нужной остановки. Будь добра, прибей кнопочку. Но, видимо, была непогода, и ливень жуткой силы смыл всякое напоминание о том, что я когда-то здесь была, ну или там была — не помню. К лучшему? Ну разве что для моих недругов. И это неплохо, потому что хорошо должно быть всем. Кому-то мало «хорошо», кому-то много. Каждому достанется. Только бы знать, где это «хорошо» найти. Куда идти? И где взять ещё кнопочек? Мне бессмысленно страшно видеть радугу лишь на дне стакана. И ещё бессмысленней, а может быть, страшнее понимать, что я сама довела себя до состояния выцветшего бабушкиного сарафана.

Забыв о своей голове, я выглянула в окно — солнце зашло. А надо ли мне все это?..

Наталья РОМАНОВА

родилась в г. Тольятти.

Учится в Санкт-Петербургском

государственном университете экономики и финансов.

Работает журналистом.

Живет в Санкт-Петербурге.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2011»

в номинации «Проза».

